

Янина Салайчикова

Евгений Замятин и культура Запада

Studia Rossica Posnaniensia 26, 65-73

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН И КУЛЬТУРА ЗАПАДА

EVGENIJ ZAMIATIN AND THE WESTERN CULTURE

ЯНИНА САЛАЙЧИКОВА

ABSTRACT. The article concerns the editorial („Wsiemirnaya Litieratura” and „Sovremien-nyj Zapad”) and literary activities of E. Zamyatin in the light of his interest in Western literature, especially in Jack London’s and H.G. Wells’ literary output.

Janina Sałajczykowa, Uniwersytet Gdański, Instytut Filologii Słowiańskiej, ul. Wita Stwo-
sza 55, Gdańsk-Oliwa, Polska – Poland.

В первые годы после большевистского переворота в культур-ных кругах России, особенно же Петрограда, отчетливо видны бы-ли тенденции к сохранению тех связей с Западом, с его культурой и духовной традицией, которые образовались в XIX веке и заметно укрепились и расширились на переломе веков¹.

Эти тенденции отражались в позиции и взглядах творческой ин-теллигенции, в направлении и формах организации интеллектуаль-ной жизни, а также в конкретных культурных мероприятиях.

Проблематика сохранения связей с культурой и другими сфе-рами жизни Европы пронизывала споры о путях развития литера-туры и искусства, о интегрировании элементов современности и ре-волюционности; появлялась в спорах о формах использования опы-та и достижений искусства и шире – духовного наследия других эпох и стран.

Своеобразным практическим преломлением этих тенденций бы-ло и увлечение романтической драматургией (напомню о реперту-аре Большого Драматического театра, о произведениях Льва Лун-ца²), и обращение к традиции романтической прозы в произведе-ниях группы „Серапионовы братья”, „самое название которой”, – как отметил это в последствии Замятин – „уже показывало опре-деленную художественную ориентацию: на Запад!”³ Отметим тоже

¹ J. S m a g a, *Dekadentyzm w Rosji*, Kraków 1981, с. 6 i dalsze.

² Шире об этом в моей статье: *Lew Lunc i tradycja zachodnioeuropejska w lite-raturze*. В: *Dziesięć wieków związków wschodniej słowiańszczyzny z kulturą Zachodu*. Literaturoznawstwo, Lublin 1990, с. 340-350.

³ Е. З а м я т и н, *Москва-Петербург*, „Новый журнал” 1963, № 72, с. 130.

интерес к экспрессионизму, русские эквиваленты имажинизма и футуризма, авангардную живопись, увлечение кинематографом.

Прозападная направленностью отличались выходившие в те годы газеты и журналы: „Жизнь искусства”, „Вестник литературы”, „Современный Запад”.

Западноевропейская литература и культура – современная и классическая – были предметом многочисленных лекций, читавшихся в Доме Писателей и знаменитом Диске – Доме Искусств.

Существенную роль в процессе поддерживания связей с культурой Запада сыграла работа издательства „Всемирная Литература” (1918-1924) – культурного мероприятия, задуманного с истинно романтическим размахом.

Издательский план предполагал публикацию произведений писателей всего мира за период от Великой французской революции по русский Октябрь. Намерение должно было реализоваться в двух сферах. Первой, рассчитанной на читателя-интеллигента и второй – рассчитанной на массового читателя.

Через несколько лет, вспоминая эти времена, Евгений Замятин скажет: „Не было случайностью, что именно в Петербурге развернуло тогда свою деятельность издательство «Всемирная Литература», основанное Горьким. Петербург как будто еще раз вспомнил о своем положении окна в Европу, широко распахнул это окно – и многотысячные тиражи европейских авторов в образцовых переводах (...) разошлись по всей России”⁴.

Прозападная направленность была вообще свойственна умственной жизни Петербурга-Петрограда. Она проявлялась и в критических оценках „неославянофильских” устремлений многих московских литераторов, и в пристальном интересе к явлениям культурной жизни Европы.

Активным участником и организатором многих культурных начинаний был в Петербурге 20-х годов Евгений Замятин (1884-1937) – художник глубоко русский и в то же время открытый на культуру и искусство Запада, трезво оценивающий как его достижения, так и ошибки.

На десятилетия вычеркнутый из официальной карты русской литературы XX века, Замятин был на самом деле подлинным вдохновителем (аниматором) духовной жизни того времени, одним из наиболее творчески активных интеллектуалов.

Его эстетические и идейные взгляды оставили неизгладимые следы на художественной жизни Петрограда 20-х годов; в

⁴ Там же, с. 131.

огромной мере определили творческий облик ряда молодых прозаиков⁵.

Свои концепции новой литературы и принципы литературного ремесла Замятин декларировал как в статьях, так и в многочисленных лекциях, читаемых им в Доме Искусств. В частности стоит вспомнить о цикле лекций, посвященных технике композиции художественной прозы⁶.

Замятин был тоже одним из главных помощников Горького в деле организации „Всемирной Литературы“. Вместе с Корнеем Чуковским отвечал за секцию англоязычных литератур и читал на эти темы лекции в образованной при издательстве студии переводчиков. Добавлю, что в этой студии лекции читали тоже Аким Вольтынский (итальянская литература), Николай Гумилев (французская и английская поэзия), теория перевода читалась Виктором Шкловским, Михаилом Лозинским и Казимиром Шилейко.

Замятин был тоже инициатором возникновения и главным редактором журнала „Современный Запад“, посвященного вопросам современной зарубежной литературы, философии и критики. Журнал выходил в период с 1921 по 1924 год; вышло шесть номеров.

На страницах „Современного Запада“ писатель опубликовал ряд переводов произведений современных зарубежных писателей. К некоторым из них сам написал предисловия. Итак, с предисловиями Замятина появились: *Кирасир Кювелье* Ж. Дюамеля (1922, № 1), *Игра Цикад* У. Мейринка (1921, № 1), *Герцогиня* К. Эдшмида (1923, № 2), *Начинается* Дж. Б. Шоу (1923, № 2). Там же в 1924 году (№ 2/6) был напечатан написанный Замятиным некролог Анатоля Франса.

В 1923 году в журнале появилась краткая информация о выходе в свет нового произведения Джеймса Джойса *Улисс*. В этом первом на русской почве сообщении о романе Замятин отмечал оригинальность формы произведения и вспоминал о недоброжелательном приеме его критикой.

„Это не роман, не повесть в обычном смысле этого слова, – писал автор, – а что-то в роде живой, острой художественной летописи подлинной жизни Ирландии (...) Книга – жестокая, звонкая. Это пощечина и Британии, и Ирландии. (...) В английской чопорной литературе до сих пор ни один автор не подходил так грубо, реалистически к вопросам сексуального порядка...“⁷.

⁵ Шире об этом в моей статье: „*Realizm syntetyczny*“. *Teoria i praktyka literacka*. В: *Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze*, t. 9, Katowice 1986, s. 30-41.

⁶ Лекции полностью никогда не были напечатаны. Две из них – *О сюжете и фабуле* и *О языке* опубликовал „Новый журнал“ (1964, № 75, с. 149-156 и № 77, с. 97-113).

⁷ Е. З. „*Улисс*“ Джеймса Джойса, „Современный Запад“ 1923, № 2, с. 229.

Шесть выпущенных – с немалым трудом! – в свет номеров журнала свидетельствует о том, что Замятин-редактор заботился о высоком мериторическом уровне и широте охвата явлений „литературы, философии и критики“. Содержание журнала отражает независимость мышления и разнообразие представляемых на его страницах мнений. Замятин позже скажет о журнале, что он „продолжал культурную работу «Всемирной литературы»“⁸.

Своеобразная направленность замятинского интереса к явлениям культуры Запада отразилась в его издательской и редакторской работе. Писатель проявил здесь интерес к двум оригинальным и очень разным художникам слова: Г. Д. Уэллсу и Джеку Лондону.

Евгений Замятин, работая в „Всемирной Литературе“, подготовил к печати четыре тома произведений Лондона; первый из них снабдил предисловием⁹; семь романов Уэллса („Всемирная Литература“) и выходившее в период 1924-1926 в издательстве „Мысль“ двенадцатитомное собрание сочинений¹⁰. Романы *Неугасимый огонь* (1922)¹¹, *Невидимка* (1922), *Война в воздухе* (1919) сопровождалась предисловиями пера Замятина.

Кроме того Замятин выпустил в свет сборник рассказов О’Генри (1923) со своим предисловием, роман Эптона Синклера *Ад* (1923), *Театр революции* Р. Роллана (1922), два тома произведений Д. Б. Шоу: *Пьесы* (1922) и *Назад к Мафусаилу* (1924) и, наконец, для издательства „Academia“ отредактировал и снабдил обширной вступительной статьей *Школу злословия* Р. Шеридана (1931).

Особое, однако, внимание – как в плане издательском, так и критико-литературном – уделил Г. Д. Уэллсу. Небезынтересно в этом контексте добавить, что когда летом 1920 года Г. Д. Уэллс приехал в Петроград, в его честь был дан обед в Доме Искусств. Замятин тогда встретился с ним и провел довольно длинную беседу.

⁸ „Новый журнал“ 1963, № 72, с. 131.

⁹ Названия сборников: *Закон белого человека и другие рассказы*, Петербург 1919; *Сын волка и другие рассказы*, Петербург 1919. С предисловием Е. И. Замятина; *Путь морозных солнц*, Петербург 1920; *Любовь к жизни и другие рассказы*, Петербург 1922.

¹⁰ Смотри библиографию в монографии: M. S h a n e, *The Life and Works of Evgenij Zamiatin*, New York 1968, с. 246-248.

¹¹ Стоит обратить внимание, что роман *Неугасимый огонь*, положительно оцененный Замятиным в его предисловии, вызвал резкий отрицательный отклик „Красной газеты“. Рецензент, подписывавшийся „Вал. Шер.“ обвиняет Уэллса в „старом мешанском идеализме“; упрекает в том, что „когда социализм был далеко, он его воспевал“, а сейчас стал проповедывать спасение в Боге. „Красная газета“ 1922, № 1215, с. 7.

Кроме предисловий к вышеназванным произведениям, Замятин посвятил автору *Невидимки* два обширных очерка: *Герберт Уэллс и Генеалогическое дерево Уэллса*, которые в 1922 вышли вместе отдельной книжкой¹². Это была, как отметил в своей рецензии Виктор Шкловский, „первая работа на русском языке, посвященная знаменитому английскому романисту”¹³.

Эссе Замятина содержит обширную характеристику романной прозы Уэллса; выделяются ее характерные признаки: сказочные мотивы в фабулах, „правдоподобие фантастики”, непереносимое наличие социального элемента. Замятин говорит о диккенсовской родословной социально-бытовых романов Уэллса, которые, регистрируя актуальные проблемы современной Англии, становятся сами „социологической обсерваторией”. Этот аспект творчества Уэллса был особо близок и понятен Замятину, который работал тем же методом в произведениях: *На куличках*, *Островитянах* и в *Ловце людей*.

Относительно много внимания уделил Замятин форме романов Уэллса. Это вполне понятно, ибо, как отметил в уже цитированной рецензии Виктор Шкловский, „интерес Замятина к Уэллсу характерен также как показатель тяги крупного русского писателя школы Ремизова и отчасти Андрея Белого, к другой стихии литературы, к литературе латинской, к роману приключений”¹⁴. Замятин отметил фабульную динамику, наличие острых коллизий и сложной интриги, умелое использование схемы приключенческого романа, сцепление элементов социологии и фантастики, углубляющее интеллектуальную сферу произведений.

Вопрос фабульной динамики, неизменно волновавший Замятина, подчеркнут и в предисловии к сборнику рассказов О’Генри. Замятин говорит здесь об эффекте, достигаемом посредством „интегрирующего образа”; показывает, сколь существенны в структуре фабулы неожиданность развязки и сознательное обыгрывание мнимых развязок.

Если проза Уэллса была близка Замятину своей социальной проблематикой и умелым использованием категории фантастики, сказочности, то Джек Лондон и его творчество апеллируют к тому, что Эдуард Дж. Браун называл его „главной темой”, т.е. отрицанию города, противопоставлению города примитиву природы¹⁵.

¹² Е. Замятин, *Герберт Уэллс*, Петербург 1922.

¹³ „Петербург” 1922, № 5, с. 17. Цитирую по изданию: Е. Замятин, *Генеалогическое дерево Уэллса*. В: его же, *Лица*, New York 1967, с. 141.

¹⁴ См. прим. 13.

¹⁵ J. Brown, *Zamyatin and English Literature, American Contribution to the Fifth International Congress of Slavists*, Sofija 1963, с. 26.

Лондоновские образы „американских степей, снежных равнин и тропических островов”¹⁶ созвучны специфическому руссоизму Замятина, которому более интересны люди близкие природе, чем жители городов, которые почти всегда приобретают у него угрожающие и пугающие формы, это чуждые и враждебные человеку механические монстры.

В прозе Лондона его привлекает молодость, свежесть восприятия жизни и героизм, убегающие от цивилизации в мир природы. В рецензии Замятин писал:

„Наша городская жизнь уже устарела. Города по-старинковски боятся лишнего движения и всю здоровую мускульную работу заменили машинами и кнопками (...) Вся жизненная борьба свелась в городах к мозговой работе, хитрости, изворотливости: сила рук и ног уже не нужна, как она не нужна старику; физическая храбрость уже не нужна – как она не нужна старику. Но если в человеке еще бурлит юная кровь, (...) он бежит куда глаза глядят: в поле, в лес, в океан, на север, на юг (...) Здесь все цивилизованные оболочки спадают с человека, здесь человек становится голым, становится древним божественным зверем...”¹⁷.

Интерес Замятина к зарубежной литературе, как можно судить из вышеприведенных наблюдений, не только читательский, он прежде всего творческий. Эта литература для него источник художественной инспирации, формального опыта, которым может и должна пользоваться русская проза.

Особенного внимания в этом плане заслуживает опыт в области жанра, фабульной структуры, развертывания интересной для читателя интриги. Замятин прекрасно осознавал недостатки русской прозы в аспекте фабульности и неоднократно говорил об этом и писал. В лекции *О сюжете и ф а б у л е*, прочитанной в Доме Искусств, он подчеркивал

„бедность фабулы, интриги в русских романах, повестях и рассказах. Особенно это относится к писателям новейшего периода. Богатейшая фабулистическая изобразительность была у Толстого, у Достоевского, у Лескова (...), а затем русская литература занялась усовершенствованием формы языка, углублением психологических деталей, разработкой общественных вопросов; фабула же – была забыта. (...) Таких мастеров фабулы и интриги, как Дюма, позже Мопассан, Флобер, Бурже, Конан-Дойль, Уэллс, Генрих Манн – в русской литературе нет”¹⁸.

Замятин говорил, что интерес к фабуле сохранили писатели трехстепенные, настоящие же мастера художественного слова относились к вопросам фабулы пренебрежительно. Поэтому „писателю

¹⁶ *Лица*, с. 149.

¹⁷ Е. Замятин, *Предисловие*. В: Д. Лондон, *Сын волка и другие рассказы*, Петербург 1919, с. 5-6.

¹⁸ „Новый журнал” 1964, № 75, с. 155.

нынешнего дня на фабулу придется обратить особое внимание". Тем более, что появился новый читатель, который куда больше прежнего будет нуждаться в интересной фабуле. Жизнь стала так богата событиями, так неожиданна, что произведения не должны ей уступать, не должны быть беднее ее¹⁹.

Поддержку этим предложениям он находил среди представителей молодой прозы. Думается, что известное выступление Льва Лунца, переделанное в статью *На Запад!* (1922), было вдохновлено концепциями мэтра группы – Замятина.

Нельзя не вспомнить и об использовании опыта западной литературы самим Замятиным. Наиболее часто критика отмечала связь с Уэллсом, но рядом с ним следует назвать романы Свифта, великим поклонником которого был Замятин с социально-утопическими произведениями XIX-XX веков, в частности *Looking Backward* Э. Беллами и эссе Д. К. Джерома *The New Utopia*²⁰.

Связи с прозой Уэллса отразились в *Мы*. Вопросу этому западные русисты посвятили ряд статей²¹, поэтому могу ограничиться лишь общими замечаниями.

В *Мы* видны филиации с Уэллсом, когда речь идет о модели государства будущего, механизации жизни, диктатуре как форме власти. Это реминисценции романов: *The Modern Utopia*, *The World Let Free*, *When the Sleeper Wakes*, *A Story of the Days to Come*.

Замятин, однако, не разделял уэллсовского восторга техническим прогрессом как таковым. Этот прогресс его скорее беспокоит, чем радует. Произведение Замятина отразило другой тип исторического опыта, которым, тем не менее, выражался в формах, близких произведениям Уэллса.

С западным опытом утопии, с опытом английской литературы в частности, *Мы* соприкасается двояко: импульсами, взятыми из творчества Уэллса и тем, что сам замятинский роман стал толчком для развития жанра антиутопии. В первую же очередь речь может пойти о произведении Джорджа Оруэлла *1984* (1949).

Широкая волна интереса к *Мы* начинается именно с половины 1950-х годов, когда, после выхода в свет книги Оруэлла, потряс-

¹⁹ Там же, с. 156.

²⁰ О *The New Utopia* (1891) как источнике *Мы* смотри E. Stenboch-Fermor, *A Neglected Source of Zamiatin's „We“*, „The Russian Review“ 1973, № 32/2.

²¹ E. J. Brown, *Zamyatin and English Literature...*; Ch. Collins, *Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition*, „The Slavonic and East European Review“ 1966, № 103, с. 351-360; P. Parrinder, *Zamyatin and Wells*, „Science-Fiction Studies“, Spring 1973, vol. I, part 1, с. 17-26; A. Thiry, *The Language of Distopia: Differentiated Speech in Three Antiutopian Novels: My, Brave New World, 1984*, „Slavica Gaudensia“ 1975, vol. 3, с. 59-84; D. Richards, *Four Utopias*, „Slavonic and East European Review“ 1961, vol. 40, № 94, с. 220-228; G. Woodcock, *Utopias in Negative*, „Sewanee Review“ 1956, vol. 64, с. 81-97.

шей вообращеннем Запада и заявления писателя, что замятинская дистопия вдохновила его работу²², появилось второе издание английского перевода (1959), а также переводы на немецкий (1959), итальянский (1955), финский (1959), датский (1959), шведский (1959) и другие языки.

Замятин признается основоположником жанра современной дистопии, умело соединившим постулативность утопии с романной формой; создателем дистопии сатирической. Прав был, пожалуй, американский исследователь Браун, когда сказал, что *Мы* переживает всех своих родственников по жанру, ибо это сатира на все типы эстаблишментов – религиозного, социального, буржуазного или капиталистического, которые пытаются навязать свои принципы и системы ценностей всем людям как вечные и абсолютные истины²³.

Дистопия *Мы*, начиная с конца 1950-х годов, становится тоже предметом интереса западных литературоведов-славистов²⁴. Произведению посвящены многочисленные статьи, а о творчестве Замятина написано несколько монографий, самая значительная из которых – работа *The Life and Works of E. Zamiatin* (1968). Шейну мы обязаны собранием библиографии произведений Замятина и работ о нем.

С популярностью Замятина о научных кругах Запада могут равняться только Булгаков и Бабель.

Поселившись во Франции, Замятин по мере возможностей пытался популяризовать там русскую литературу. Свидетельствуют об этом интервью с писателем, его статьи о литературе и театре. В 20-30-ые годы выходили на Западе переводы его произведений²⁵.

²² *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell*, 1968, с. 72-75.

²³ J. Brown, *Zamiatin and English Literature...*, указ. соч., с. 39-40.

²⁴ См. примечание 22, а также: А. М. Шане, указ. соч., с. 284-285; R. Parrot, *The Eye in „We“*, „Russian Literature Triquarterly“ 1979, № 16, с. 59-72; R. A. Gregg, *Two Adams and Eve in the Crystal Palace: Dostoevsky, Bible and „We“*, „Slavic Review“ 1965, 4, с. 680-687; R. Russell, *Literature and Revolution in Zamiatin's „My“*, „Slavonic and East European Review“ January 1973, с. 49-59; R. Prof. fer, *Notes on the Imagery in Zamiatin's „We“*, „The Slavic and East European Journal“ 1963, vol. VII, № 6, с. 31-42; J. Sałajczykowa, *Wyznaczniki gatunkowe w antyutopii Zamiatina „My“*. В: *Z zagadnień rozwoju gatunków w literaturze rosyjskiej*, Lublin 1987, с. 128-137; та же, *Z problematyki eksperymentu literackiego w rosyjskiej radzieckiej prozie lat dwudziestych. Powieść E. Zamiatina „My“*, „Studia Rossica Posnaniensia“ 1988, t. XIX, с. 91-105.

²⁵ Аноним, *Беседа с Е. Ив. Замятым*, „Последние новости“ № 4039 (1932, 12.04); G. K., *Вечер Евгения Замятина*, „Возрождение“ июнь 1932; В. Коениг, *Eugenij Zamiatin vypravuje*, „Lidove Noviny“ 22.12.1932; P. Paggioli, *Nota sullo stile Zamiatin*, „Convequo“ 1930, vol. 9, № 7/8; H. Pottecher, „Les Bos-Fonds“ de Gorki..., „Comoedia“ 1936, № 8570; тот же, *Trois heures a Bellevue avec l'ecrivain russe Eugueni Zamiatin*, „Comoedia“ 1934, № 7870; M. Slonim, *Портреты советских писателей*, Париж 1933, с. 48-61; A. Werth, *The Film Abroad: A Soviet Writer Takes to Cinema*, „Cinema Quarterly“, Winter 1933-1934, vol. 2, № 2, с. 101-103.

Юрий Анненков, близкий друг Замятина, пишет в своих воспоминаниях о том, что, благодаря хлопотам автора *Пещеры*, во Франции была заснята для кино пьеса М. Горького *На дне* (1936)²⁶.

Режиссером фильма был Жан Ренуар, а снимались в нем знаменитый Луи Жувэ и будущий любимец публики – Жан Габен.

Текст Горького – пишет Анненков – был переработан Замятиным с тонким умением и тактом, и фильм имел огромный успех²⁷.

По заказу известного в те годы во Франции кинематографиста, Федора Оцепа (им сделаны фильмы *Пиковая дама* с Пьером Бланшаром в роли Германа, и *Княжна Тараканова*), Замятин написал киносценарий по роману *Анна Каренина*²⁸. К сожалению, он не был реализован.

В 1933 году французский актер и театральный предприниматель Поль Этли решил осуществить постановку замятинской *Блохи*, которая шла с огромным успехом в МХАТ-е 2-ом в 1925 г. и позже. Репетиции начались в конце октября, но „административные трудности вынудили Поля Этли перенести постановку *Блохи* в Брюссель, где первое представление состоялось в декабре 1933 года²⁹.

Смерть писателя тоже не прошла незамеченной. Некрологи и воспоминания о нем появились как во французской печати, так и за границей³⁰ – в Польше, Югославии, Чехословакии, Германии, США.

Позиция Замятина по отношению к культуре Запада – это позиция значительной части тогдашней русской интеллигенции, убежденной в том, что русская культура может правильно развиваться лишь в общении со всем тем, что происходит в Европе, в мире; активно участвуя в этих процессах.

Это обращение к Западу имело также и политический подтекст по отношению к широко тогда пропагируемой семантике понятия. Запад был лишь „капитализмом“, „буржуазией“, „угнетением трудящихся“; он распространял декадентство и быстро загнивал.

В позиции Замятина был таким образом привкус ереси, вызов, брошенный официальной пропаганде, которая пыталась убедить всех и все, что, как сказал с горькой иронией Юрий Тынянов, „Запад исчез без остатка и, по всей вероятности, он никогда не существовал“³¹.

Замятин и его деятельность также доказательство того, что фундамент „общего европейского дома“ закладывался издавна людьми всех частей нашего континента.

²⁶ Ю. Анненков, *Дневник моих встреч*, т. I, New York 1966, с. 277.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 281.

²⁹ Там же, с. 279-280.

³⁰ См.: M. S h a n e, указ. соч.; библиография, позиции: 294, 297, 306, 316 A, 317, 318, 324, 326, 369, 392, 418, 432, 435, 451, 445, 449, 479.

³¹ Ю. Тынянов, *Льву Луицу (некролог)*, „Ленинград“ 1925, № 22, с. 183.